

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ

"Аполлонъ", No 4, 1909

OCR Бычков М. Н.

ПУТАНИЦА

Тѣ, кому слова: "сороковой годъ", "Александринскій театръ", "Гальони", балетъ -- не пустой звукъ, кто влюбленъ въ "золотую театральную пыль", кого волнуютъ рисунки А. Бенуа и М. Добужинскаго, заставляють сладко и нѣсколько опасно мечтать рассказы С. Ауслендера, кто и теперь задумывается, видя театральнѣйшій раздѣлъ послѣ балета,-- тѣ поймутъ и оцѣнятъ милую и плѣнительную "Путаницу" Юрія Бѣляева. Мы не знаемъ, можно ли воскресить старинный водевиль,-- безгрѣшное "дурачество" прежнихъ лѣтъ, безъ рискованныхъ мѣстъ, раздѣваній и т. п. атрибутовъ современнаго фарса, но благодарны отъ души автору, заставившему насъ снова улыбнуться и вздохнуть, какъ вздыхаешь въ дѣтствѣ, засыпая послѣ веселаго дня. Это -- не только самая свѣжая и интересная вещь изъ репертуара Малаго театра, но и между русскими пьесами другихъ театровъ мы не знаемъ за этотъ годъ болѣе милаго, трогательнаго и дѣтски-плѣнительнаго зрѣлища. Г-жа Глѣбова, дебютировавшая въ роли "Путаницы", внесла все старомодное очарованіе, лукавое простодушіе и манерное кокетство въ свои интонаціи, жесты и танцы. Лучшей "Путаницы" мы бы не могли представить. Всѣ, въ комъ жива любовь къ богатству, завѣщанному намъ дѣдами и отцами, не могутъ не быть благодарны Ю. Бѣляеву, О. Глѣбовой и милому сороковому году за тотъ цвѣточекъ, что такъ неожиданно разцвѣлъ въ стѣнахъ Малаго театра.

ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА

Мысль найти въ герояхъ, которыхъ мы привыкли видѣть на пьедесталѣ исторіи и поэзіи, черты, близкія и понятныя намъ, можетъ быть использована или какъ пріемъ сатиры, или какъ средство приблизить ихъ, этихъ героевъ къ нашему времени, сдѣлать ихъ интимнѣе и проще. Оба эти пріема, доведенные до крайности, даютъ художественныя формы не высшаго порядка. Съ одной стороны, оперетка Оффенбаха, съ другой -- романы Эберса. Но первое зло -- меньшее, потому что безвкуснѣе, чѣмъ Эберсовское перенесеніе цѣликомъ въ атмосферу древности современнаго буржуазнаго общества, я ничего не могу себѣ представить. Б. Шоу избралъ средній путь или, вѣрнѣе, захотѣлъ соединить оба эти пріема, не доводя ни одного изъ нихъ до конца. И это сидѣніе между двухъ стульевъ не могло не отразиться на пьесѣ, впадающей то въ фарсъ, то въ мѣщанскую современную драму.

Конечно, рука опытнаго, не особенно тонкаго сатирика и большого знатока сцены видна и въ этой пьесѣ, и многія сцены такъ ловко и умно сдѣланы, что заставляютъ внимательно слѣдить за ними.

Эта двойственность повліяла и на исполнителей, позволяя имъ то впадать въ невозможно бытовой тонъ, то возвышенно декламировать. Притомъ внѣшнія данныя г-жи Садовской, напримѣръ, очень далеки отъ соотвѣтствія съ образомъ 16-тилѣтней чаровательницы Клеопатры; также и г. Александровскій, не плохой актеръ на своемъ мѣстѣ, былъ не совсѣмъ умѣстенъ въ роли Цезаря, хотя бы и въ комедіи Б. Шоу. Выдѣлились на второстепенныхъ роляхъ гг. Бережной и Гибшманъ такъ же, какъ и г-жа Климова, исполнявшая роль царя Птолемея. Вся постановка задумана въ довольно неожиданномъ тонѣ, въ тонѣ варварской экзотики. Мы не знаемъ, на чемъ основана эта точка зрѣнія, такъ какъ Египтяне и Римляне того времени не были другъ для друга варварами, а отношенія Александріи и Рима скорѣе напоминали современныя отношенія Лондона и Парижа, но если принять эту точку зрѣнія, то многое было достигнуто. И безмысленный хохотъ голубыхъ солдатъ, визги женщинъ, появленіе Фататиты и дикая, пугающая музыка, небывалое Судейкинское небо и яркіе Сануновскіе паруса производили странное и неожиданное впечатлѣніе. Оно проходило, какъ только выступали главные персонажи, но мѣстами достигало значительной остроты и силы, и въ данномъ отношеніи очевидный замыселъ Э. Комисаржевскаго и художниковъ былъ достаточно осуществленъ.

М. Кузминъ.